

ГУМАНИТАРНЫЙ

КС СОЦПРОФ

№ 5/23-56/ 1991 г.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ФОНД ИМ. А.С. ПУШКИНА

В номере

- ★ ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЧИТАЕТ ГАЗЕТ
- ★ НОВЫЙ КИНОТЕАТР "МИР" И ДРУГИЕ...
- ★ А МЫ-ТО ЧТО ЖЕ?
- ★ Виктор Ерофеев

АНДЕГРАУНД — НЕ ОРДЕН, А ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ...

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ЧИТАЕТ ГАЗЕТ

Хотите опубликоваться в сборнике? Центральный Совет Экологического Интернационала в плане подготовки к изданию третьего выпуска сборника "ВОСКРЕШЕНИЕ" 24 декабря и далее по субботам (до Пасхи) проводит конкурсные чтения с участием поэтов из всех регионов страны на право участия в сборнике, которое определит конкурсная комиссия. Победителям вручаются призы и сразу же 50% авторского гонорара. Приглашаются поэты, пишущие духовные стихи. Заявки на выступление принимаются по адресу: 109033 Москва, Володавская ул., д. 11/15 тел.: 278-51-45. (Лит. Россия, 7 дек.)

Как сообщает "The American Spectator", компартии мира за прошедший год потеряли 8 млн. членов, хотя большинство из них остались живы.

Солженицын отказался от Государственной премии, т.к. "большинство народа еще не имело возможности ее (кн. "Архипелаг ГУЛАГ") достать и прочесть... а тысячи бывших зеков доживают свою жизнь или вообще без пенсии или на нищенской, т.к. труд в лагерях ГУЛАГа им не зачтен в трудовой стаж... болезнь ГУЛАГа и по сей день не преодолены ни юридически, ни морально. ("Известия", 12 дек.)

Вл. Максимов и издательский консорциум "Авер" заключили договор на издание в Союзе журнала "Континент", начиная с 66 номера, который будет выпущен в конце января 1991 г. Кроме того, выйдут в свет 10-12 дайджестов предыдущих 65 номеров. (В.М., 8 дек.)

В Страсбурге состоялось открытие европейского Фонда С.Саварова. Цель — совместно с центром Сахарова в Москве проводить семинары и конференции по правам человека и вести борьбу за демократию. Будет создан центр исследования в области демократии. ("Известия", 11 дек.)

В СССР организована Академия творчества. Она не является слепком с АН СССР, скорее ее прообразом является Академия Наук и Искусств США. Это не только "клуб знакомств" для знаменитостей, но и учреждение 63 научно-исследовательских институтов.

(«Союз», № 49)

ЗАПОЕТ ЛИ ДОКТОР ЖИВАГО?

Опера по роману Б.Пастернака молодого композитора из Венеции Пьетри Бондио будет готова к 1991 г. Главную роль исполнит баритон Р.Брузон, роль Лары — К.Ричарелли. Но все это под большим вопросом, т.к. еще не подписан договор, разрешающий превратить роман в оперу. ("ЭсС", 13 дек.)

В.Войнович вышел из "Апреля". ("В.М.", 10 дек.)

"Переименуйте еще хотя бы одну улицу — будете обстреляны из гранатометов".

(Из письма в Моссовет, М.К., 6 дек.)

Книга А.Собчака "Хождение во власть" готовится к печати в издательстве "Пик" (Мос.Нов. № 47). В этом же издательстве планируется выпуск в свет книг Г.Попова, К.Прунскене и поэтические сборники студентов Литинститута! — так говорит Рекемчук.

НОВЫЙ ШТРИХ К ПОРТРЕТУ Д.УРНОВА.

"Возьмем... уже довольно давно написанный роман Вик. Ерофеева "Русская красавица"... Отдадим должное авторской смелости и чуткости к насущным проблемам. И все-таки это не литературное, а как говорится в подлинных случаях Блок, бытовое явление... умело поставив там, где надо уравнение с тремя неизвестными, он больше ничего не может сказать. Похоже, как видно, его стихия, а дальше что" — Д.Урнов. (Мос.Лит. № 44, 45)

По решению Советского фонда культуры в Москве будет создан еще один музей современного искусства с целью предотвращения утечки картин на Запад.

(Мос. Пр. 2 дек.)

"ПОШЛИ ВОН!" — СКАЗАЛИ ПИСАТЕЛЯМ.

Росторгтехмаш объявил себя единственным владельцем помещения, в котором размещался Литфонд.

(М.К., 2 дек.)

КОММУНИСТОВ ЖДЕТ АМЕРИКА.

Д.Буш принял новый закон: Закон об эмиграции, по которому коммунистам и др. левым эмиграция (наконец-то!) разрешена. Туда им и дорога. (К.П., 1 дек.)

КАЛЕНДАРЬ МОНАРХИСТА

Наследный принц королевства Лесото 27-летний Мохато Сеисо вступил 11 ноября на престол. Он сменил находящегося в добровольном политическом изгнании в Лондоне своего отца Мошвешве П. Новый монарх будет править под именем короля Летсие Ш. В феврале этого года Мошвешве П. выразил несогласие с политической властью Лесото и уехал в добровольное изгнание в Лондон (это из Лесото, что на юге Африки, в Лондон — изгнание). Скажите пожалуйста. (КП, 14 ноября).

Сокращается персонал итальянского консульства Оливетти, как заявил 14 ноября министр труда и социального обеспечения К. Донат-Каттен. Проблемы Оливетти вызваны общей болезнью, которая поразила сектор информатики на Западе. Безработица угрожает семи тысячам человек. (Раб. триб., 15 ноя).

На киностудии "Грузия-фильм" закончены съемки фильма Д. Абашидзе о судьбе Якова Джугашвили. Роль Сталина сыграл его внук, внешне очень похожий на дедулю. (ВМ, 10 ноя).

ПЕРВАЯ ПОБЕДА СВОБОДНОЙ ПЕЧАТИ.

В Мосгорсуде произошло беспрецедентное событие: журнал "Знамя" был объявлен независимым, СП СССР в иске отказано. Мы поздравляем свободный журнал! А на очереди — процесс с "Литературной газетой".

(«М.К.», 14 дек.)

К 100-ЛЕТИЮ МАНДЕЛЬШТАМА. Театр-студия "69" и совместное советско-югославское предприятие "Интербук" подписали договор о проведении мероприятий, посвященных Мандельштаму. В середине января в Москве и Ленинграде пройдут спектакль "Раковина", встречи с исследователями творчества поэта. (В.М., 4 дек.)

Дюпон. (За рубежом, № 49)

"ГОНКУР" — ГАЗЕТНОМУ КИОСКУ.

В Париже объявлен лауреат Гонкуровской премии этого года. Им стал 38-летний Жан Руо, филолог по образованию. "Сохраняя духовную свободу" он под влиянием настроений, распространенных тогда в студенческой среде, не воспользовался дипломом, предпочтя творчество. Работая "на подставке" киоскером, Руо завершил свою книгу "На полях брани". 12 стран уже приобрели право на ее перевод. Напомним, что премия "Гонкуров" присуждается за литературный дебют. ("За рубежом", № 49)

ЕЩЕ ОДНО ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО.

"Мемориал", Всесоюзный антифашистский центр, "Апрель", Московский союз ученых и др. подписали обращение к Б.Ельцину и Г.Попову, в котором указывается на угрозу насилия в практике разрешения политических конфликтов. 29 ноября был убит физик, член участковой избирательной комиссии № 1 Дзержинского района В.Пергамент. (М.К., 6 дек.)

НОВОСТИ

НОВОГОДНИЙ ПЕРФОРМАНС — 1 ЯНВАРЯ НА АРБАТЕ. Организован итальянской художницей Еленой Фиа Фоззер. Один из участников акции становился в центр круга и за веревочку крутил вокруг себя другого, который через ситечко сыпал на мостовую краску — так получались цветные концентрические окружности. Затем менялись местами. Кончилось же все это дело бешеным италосоветским хоромом-тарантеллой. В центре круга было белое пятно, символизирующее, очевидно, ту самую Полярную Звезду, именем которой названа выставка итальянских художников, прошедшая в декабре-январе в галерее на Солянке. В ней участвовали: Грация Азали, Франческо Кокко, Елена Фиа Фоззер, Джулиано Орсингер, Анита Паскуалетти.

ПРОЗАИКИ ПОДДЕРЖИВАЮТ ПОЭТОВ.

При Московской писательской организации создается альтернативное творческое объединение поэтов, которым надлегло политиканство, амбициозные страсти и склоки.

Прозаики также объявили о необходимости появления второго столичного объединения прозаиков. Заявления о решении прозаиков подписали: Г.Абрамов, А.Ананьев, Г.Бакланов, А.Битов, В.Ерофеев, Ф.Искандер и др.

В выставочном зале на Ремизова, 10 — выставка художественной фотографии. В одном зале — В.Дроздова и С.Ковалец — концептуальное фото, в другом — Е.Ниязов и П.Бришков — советское фото.

16 февраля в 16.00 в Литературном музее на Петровке Праздник рукописных журналов. Презентация журналов: "Часы", "Митин журнал", "Дюсс", "Эпсилон — салон", "Морская черепаха", дайджест "Индекс" и др.

В конце января выйдет в свет сборник стихов К. А. Кедрова, автора термина "метаметафора", "КОМПЬЮТЕР ЛЮБВИ", объем 7,5 л., цена 5 р. Заказы присылать на адрес редакции.

Независимая фирма грамзаписи АПРЕЛЬ выпустила первый альбом — группа АУКЦИОН.

НОВЫЙ КИНОТЕАТР "МИР" И ДРУГИЕ...

В последнее время Москва изобилует... не только по разнообразию и вкусным продуктам питания, но и по настоящему кино. Когда еще экраны столицы не были так плотно забиты коммерческими картинками со стрельбой, эротикой, мистикой и т.д., как на пятом году перестройки. Понятно поэтому, с какой надеждой любители истинно художественного кинематографа встретили известие об открытии в столице "фирменных" кинотеатров, призванных специализироваться на демонстрации фильмов Италии, Франции и Испании. Впрочем, кинотеатр "Художественный", который был избран для показа испанских фильмов, лишь только начинает свою деятельность в этом качестве (и начало, кстати говоря, положено очень неплохое). У "Форума" (фильмы Италии) и "Мира" (фильмы Франции) уже накоплен некоторый опыт; с них и начнем.

... Официальное открытие кинотеатра "Мир", вошедшего в состав совместного советско-французского предприятия "МОСИМЕДИА", состоялось 3 декабря, однако французские фильмы демонстрируются здесь уже на протяжении всего осеннего сезона. Показанные здесь картины в большинстве своем относятся к низкопробной развлекательной продукции, что вызвало у московских любителей кино законное недоумение, а обозревателя еженедельника "Новое время" заставило категорично заявить, что "Мир"... влачит весьма жалкое существование, отнюдь не соответствующее ни уровню кинематографа Франции, ни славе одного из крупнейших кинотеатров

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА СТ. 3

столицы". В то же время, как заявила в беседе со мной директор "Мира" Н.В. Гурьева, для кинотеатра важнее всего не коммерческая сторона, а стремление создать в Москве "витрину хорошего французского кино". Этому стремлению отвечает показанный на торжественной презентации 3 декабря новый фильм режиссера Ф.Жиро "Ласенер", а также, безусловно, и последовавшая за этим демонстрация одной из самых нашумевших французских картин 1989 года, получившей семь номинаций на приз "Сезар" — "Безжалостный мир" Э.Рошана. Что будет дальше? Планы у кинотеатра большие: сюда входит и кардинальное переоборудование помещений, увеличение численности залов за счет надстройки здания, и демонстрация фильмов без перевода для франкоговорящих, и многое другое. Естественно, потребуются серьезные материальные затраты, и это, как и множество организационных неурядиц, составляет предмет беспокойства директора. Вполне закономерно, что в такой ситуации кинотеатр придает большое значение рекламной деятельности: в фойе можно увидеть красивые стенды целого ряда известных фирм, в том числе "Кристан Диор" и "Эр Франс" (на презентации эти стенды привлекли повышенный интерес у части журналистского корпуса, и дело не обошлось без неприятных инцидентов: унесли, например, большой диоровский флакон, хотя и наполненный обыкновенной водой, а одного заядлого курильщика задержали в момент хищения небесно-голубых "Голуаз"...).

В Москве в конференц-зале Октябрьского райсовета 15-16 декабря 1990 года состоялся четвертый съезд профсоюза независимых журналистов под председательством С.И. Григорьянца. Съезд собрал около ста делегатов и гостей из различных мест СССР. Были доклады о положении в стране и независимой журналистике, информация из регионов. Представитель независимой журналистики Эстоин пригласил желающих принять участие в недельных семинарах сотрудников свободной прессы в мае-июне 1991 года. Желающие участвовать могут направить письменные заявки с указанием количества участников, профиля независимого издания, запросов к семинару, по адресу: 203170, Naarsalu, Eesti Tamme 19-28, Jkonnikov Alexander

Кто получит 500 тысяч долларов?

Автору книги, которая подскажет людям путь к их выживанию и процветанию, обещан приз в 500 тысяч долларов — сумма, никогда еще не выплачивавшаяся за литературное

произведение. Такой конкурс объявил Тед Тернер — глава телекорпорации Ти-Би-Эс, инициатор многих гуманитаристических акций, в том числе Игр доброй воли. "Большие умы сегодняшнего дня должны сфокусироваться на проблемах глобального значения, если человечество хочет увидеть новое завтра" — заявил Тернер.

На конкурс принимается любое, не публиковавшееся прежде беллетристическое сочинение объемом минимумом 50 тыс. слов. Рукопись может быть представлена на любом языке, но ее необходимо сопроводить 20-страничной аннотацией на английском.

Предусмотрены и 4 поощрительных приза по 50 тыс. долларов. Все произведения — лауреаты будут изданы фирмой "Тернер публишинг инк" (Новым филиалом Ти-Би-Эс) в твердой обложке — признак солидности по американским меркам.

По заверению организаторов, подобные конкурсы будут проводиться раз в два года. Подробные сведения можно получить по адресу: Turner Tomorrow Awards, 1 CNN Center, Post Office Box 105366, Atlanta, Ga. 30329, U.S.A.

телефоны для сообщения информации

300 - 65 - 55 АЛЛА
464 - 39 - 58 ВЕРОНИКА
905 - 50 - 46 РАДА

Гонорар за информацию с упреждением события на две-три недели в среднем составляет 40 рублей за 1800 п.з. (одну м. страницу).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА!

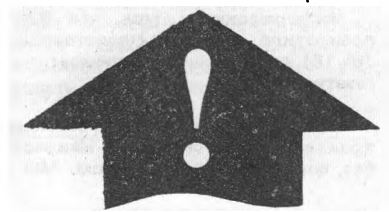
Для того, чтобы подписаться на газету "Гуманитарный фонд", нужно выслать 19руб.15к. (цена подписки на год.) почтовым переводом по адресу: 117342 Москва, п/о 342, М.Рому. До востребования.

Цена подписки на полгода — 9р.60к.

ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

Счет №57380407, Внешэкономбанк СССР, Советско-Канадское предприятие "СКАНТЭК-форум" Для редакции.

Цена подписки — 15 долларов

А МЫ-ТО ЧТО ЖЕ?

События конца декабря — середины января:

1. Финансовый бунт республик против центра — бюджет или мыльный пузырь.
2. Горбачев пустил в ход армию.
3. Ликвидирована независимость в оценках телевидения. Ленинградское ТВ будет куплено промышленными гигантами союзного подчинения.
4. Цены на бумагу уходят из-под контроля — государственные многотиражные газеты и издательство "Правда" загрузили.
5. В журналистов стреляют.
6. В иностранных банках скапливаются советские рубли.
7. Бедный Саддам Хусейн.
8. И к тому же нас поторопились одеть.

Вот, что я могу заметить по этому поводу.

1. Для нас все эти штучки с бюджетом значат: новые налоги от старых не освободят. Институт философии, видимо, не субсидирует программу ГФ по исследованиям в области параллельной культуры. Министерство культуры СССР тем более ничем не сможет нам помочь.

2. Читай "Невозвращенец".

3. Только-только программа "Взгляд" наконец сочла нашу контору достойной внимания и вот тебе, пожалуйста...

4. Хотя газета "Коммерсант" как бы расстроилась по этому поводу. Между тем, это событие единственное светлое пятно. Во-первых, многим газетам не мешает прогореть, для того, чтобы понять, что информация о том, где дают деньги и оказывают помощь (т.е. о Гуманитарном фонде) не является рекламой, а привлекает подписчиков к их изданиям. А во-вторых, теперь есть надежда, что государственные организации после такого удара приподнимут одну свою очень толстую часть тела и бумага у нас появится. Просто смешно читать ("Коммерсант" № 50) о том, что цены вместо того, чтобы подняться до 800 р. за тонну, поднялись до 1,6 тыс. руб. за тонну, т.е. в 5-6 раз. Какой ужас! Да ведь это по безличному расчету... А Ромм-то глупый по 5-7 тыс. за тонну платит... Несомненно, что для альтернативной печати является, наконец-то, экономический шанс.

5. Экономический-то появляется, а политический? Да, в журналистов стреляют. Например, на почве непримиримых разногласий в области зарплаты и структуры построения некоторых рубрик в газете "Гуманитарный фонд"... 11 января было совершено покушение на главного редактора "ГФ" Ромма М. Н. Выразившееся в нанесении удара папкой с рукописями по голове (сзади) и последующим метанием дырокола в голову. Этоумышленник — Э. Б. Ракитская (в миру Богатых) не скрывает политический характер покушения... Пострадавший отделался пропуском нескольких очередных опечаток...

Хотя это и не редакционный розыгрыш... дело с независимой печатью гораздо серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Напомним, что все государственные типографии (а других и нет) находятся не столько в ведении Госкомпечати, сколько в ведении МВД и поэтому никакой "Закон о печати" не может нас защитить, если типография сочтет для себя за лучшее спокойную, но бедную жизнь...

6. Есть все основания опасаться (или надеяться), что вскоре просто придет лесник... Но сегодня-завтра Запад получит возможность просто купить нас с потрохами, превратив тем самым в Банановую республику без бананов. (см. "К.П." 12 января, с. 3. "Как наши миллиарды оказались в Швейцарских банках".)

7. Опять-таки. Бедный Хусейнушка, лопнув, кажется сильно испортит воздух. Настолько сильно, что жизнь на этой планете, ко всеобщему удовольствию, станет невозможна. (См. прогноз об экологических последствиях военного конфликта, "КП" 12 января, с. 5).

8. Я уж молчу про антиэротическую кампанию: квинтэссенция беспомощности, абсурдности и какого-то буйного помешательства, прущего из всех щелей.

Господа, я честно терпел, воздерживаясь от высказывания своей точки зрения на происходящее, но дальше терпеть нельзя. Редакция не может найти комментатора политических и экономических событий, который бы соблюдался нашим ничтожным тиражом (но для великих людей) большим гонораром и мелким штрафом... и при этом такого, который бы понимал, что интересно нашим читателям... Только поэтому я позволил себе сообщить свое мнение неспециалиста, отлично понимая, что морального права на это не имею.

Наша беда в том, что эпатирующие материалы, помещаемые нами из номера в номер, воспринимаются как дань конъюнктуре, но не так, как мы их задумывали: демонстрацией нашего отчаянья, бедствия и несогласия... Надеюсь, мое обращение даст нашей газете новые острые и компетентные статьи... Может быть, мы успеем еще немного поговорить?

М. Ромм

ГЛУБОЧАЙШИЕ ИЗВИНЕНИЯ

Всем известно, что газета "Гуманитарный фонд" за недолгое время своего существования прославилась дикими опечатками и умопомрачительными ляпами. Наблюдались также случаи "газетных уток" и откровенных фальшивок. Да, это так. Но почему?

Все это — следствие того, что с самого начала и практически до ноября 90 года газета выходила, что называется, вопреки здравому смыслу. Не было для ее существования ни объективных, ни субъективных предпосылок. Ни материальной, ни технической базы не было. Сотрудников почти не было. Средства, извини, было мало. Каждый номер выходил с великими муками. Но все-таки мы ее издавали — пусть и с такими прорехами. Вряд ли удастся их ликвидировать полностью и в одночасье, но положение наше несколько улучшилось, и это вселяет надежду. А пока — открываем рубрику "ГЛУБОЧАЙШИЕ ИЗВИНЕНИЯ" — чтобы не повторять каждый раз одну и ту же витиеватую фразу. ИТАК:

Информацию о том, что ВААП прекратило свое существование, (№ 18) просим считать элементарной газетной уткой.

Поясняем, что интервью с Ольгой Просим прощения за публикацию Чугай, опубликованное в № 16, было произведено Всеволода Некрасова подготовлено нашим корреспондентом согласования с автором. Мы не

нарочно. Мы, правда, больше не будем.

№ 16. Рубрика "НОВОСТИ". Информация про В. Я. Строчкова (который почему-то проходит под инициалами В.Л.) и Союз Гуманитариев. В этом случае редакция никакого извинения себе не находит, а Михаил Ромм, писавший материал и пропустивший чудовищные ошибки при сдаче номера, ныне находится на грани самоубийства. Мы хотели было разъяснить ситуацию, но поскольку ошибки и опечатки в текстах о деятельности В.Строчкова преследуют нас давно и носят поистине мистический характер, отказываемся от этой мысли. Мы не знаем, чем именно занимается В.Строчков. Во всяком случае, просим считать ненапечатанной фразу "Сейчас В. Л. Строчков пытается зарегистрировать Правление Союза как юридическое лицо".

Принесим извинения и В.Киргизову ("...сводится к неправильности В.Киргизова..." — следует читать "к неправильности заявления В.Киргизова"). Особо недоверчивые читатели могут зайти в редакцию и убедиться, что никакой неправильности у Володи Киргизова не наблюдается. Наоборот.

Поясняем, что интервью с Ольгой Просим прощения за публикацию Чугай, опубликованное в № 16, было произведено Всеволода Некрасова подготовлено нашим корреспондентом согласования с автором. Мы не

ВИКТОР

ФОТО В. ФИЛОНОВА

АНДЕГРАУНД — НЕ ОРДЕН, А ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ...

(Интервью с Виктором Ерофеевым)

— Виктор Владимирович, еще несколько лет назад Вы были классическим представителем андеграунда. Сейчас ситуация несколько изменилась. Хотелось бы узнать, насколько значителен Ваш выход из андеграунда. Скажем так, какая часть написанного опубликована у нас?

— Вы знаете, я все равно, наверное, остаюсь в андеграунде, в него ведь нельзя войти или из него выйти. Это просто что-то в крови. Андеграунд — это не процент опубликованного где-то в легальной прессе. Андеграунд — это как бы состояние души и духа. Это когда человек не признает тех нормативов, которые диктует легализованная культура. На определенном этапе можно найти контакт с цензурой и с издателями, опубликовать что-то, но в следующий момент этот контакт может порваться в зависимости от их доброй или злой воли, каприза, прихоти. Раз войдя в эту культуру, из нее просто невозможно выйти, если только ты не случайный гость в андеграунде. Так что этот процент, который сейчас, конечно, выше, чем он был несколько лет назад, совершенно не связан с моим выходом из андеграунда. Мое пребывание там стабильно. То же самое я могу сказать и по отношению к другим странам, где печатаются и рассказы, и романы — все равно это система андеграунда.

Мое положение в культуре не находится в согласии с какими-либо нормами культурного бытия. Оно предполагает и хулиганство, и все, что угодно. Вот, знаете, это состояние, когда ты идешь по улице и видишь, что за столиком сидят обеды, и тебе хочется схватить тарелку и выбросить ее на мостовую, не потому, что эти люди тебе неприятны, и не потому, что ты неприятен людям, а просто потому, что это — жест, который в тебе живет...

— А все-таки, какая часть написанного опубликована здесь?

— До сих пор не такая уж и большая. Вышла малосенькая книжка рассказов, сильно порезанных, вышел роман — с муками вышел. А

журналы меня до сих пор не признают. Скорее всего, я смогу опубликоваться только в кооперативных изданиях...

— И каков резонанс? Очевидно, много отрицательных отзывов. Как вы к этому относитесь?

— Отрицательных всегда было много. Наоборот, интересно, что сейчас появились положительные. Читатель оказался конформистом. Я понял, что какое-никакое признание заставляя и его признавать, то чего он раньше не признавал. А отрицательный фон мало меня волнует. Это фон человеческой глупости или предрасудков. Это любопытно, как проявление человеческого духа, но едва ли может увлечь, заставить заниматься собою...

— А по какому принципу происходит отбор? Чем мотивируют издатель отказ напечатать ту или иную Вашу рукопись?

— Мотивируют по-разному. Например, говорят, что читатели не поймут. Или — «не понравится». Или редактору нравится, а какому-то загадочному ответственному секретарю или заму главного — нет, ну, а он — дремучий шестидесятник — понятно, что через него не пройдет.

— Как Вы смотрите на современную литературную ситуацию? Каково культуре в условиях, с одной стороны, провозглашенной свободы мнений, а с другой — жесткой самоцензуры? К чему это может привести?

— Я считаю, что культуру ничто не может спасти. У нее должна быть своя собственная энергия, безумие, страсть. А это все такие милье культурные мероприятия, которые нужны просто в силу того, что все мы — цивилизованные люди. Культуру нельзя поддерживать, культура — это бэзумец, и поддерживать его — значит приручать. А культуру нельзя приручать, она должна быть дикой. Все, что есть в культуре настоящего, — это все выросшее вопреки, случайно, дико, уродски... И никогда никакой поддержкой нельзя было культуру воскресить или возродить. Но можно, например, воспитывать читателя... На это действительно можно направлять культурные мероприятия, деятельность всех этих фондов...

— Виктор Владимирович, а среди молодого поколения писателей видите ли Вы каких-либо перспективных авторов, интересные имена?

— Еще не знаю. Во всяком случае, какого-либо шока, того, что застряло

бы в сознании, в подсознании, что вспоминалось бы — не произошло. К сожалению, пока ничего не вижу. Вообще молодое поколение становится как бы все более провинциальным по отношению к тем людям, которые получают возможность болтаться по миру, как болтался я в последние годы. Все эти выяснения отношений между андеграундом и официозом, порнографией и непорнографией, — это ведь наша, узконациональная тематика. Если мы будем ею заниматься, то ничего, кроме задов, не пройдем.

Андеграунд — не орден (ни в том, ни в другом смысле): не орден, не знак почета, это внутреннее состояние. А внешне он, в силу ограниченности в контактах, превращается в нечто совершенно иное.

И культивирование андеграунда — дело ободоострое. Я скептически смотрю и на культивирование самой культуры.

— В свое время внешним, поверхностным, но наиболее отчетливым слоем Вашего творчества казался эпатаж, противодействие официозу. Скажите, а насколько в действительности Ваше творчество было движимо этой силой внутреннего противодействия?

— В минимальной степени, в какой-то сотой доле процента. Оно просто существует в другом контексте. Сейчас в Европе и Америке оно уже имеет своего читателя, которому абсолютно безразличны наши проблемы. Это не значит, что оно не связано с культурной ситуацией, но, во всяком случае, не рассчитано на эпатаж, — ведь это уже форма дидактики — через эпатаж — воспитывать. Здешные формы культуры или бескультурия я использовал как некие внутренние знаки для выяснения того удела, который свойственен всем. А спекулировать на здешных проблемах невыгодно, ибо ситуация может измениться стремительно, и всякий эпатаж тогда обратится в прах.

— Есть ли у Вас ярко выраженные пристрастия и антипатии в литературе XX века?

— Для меня, например, очень важен Джон Джойс. А ведь это выходец из дикой ирландской провинции... Провинция интересна как фон. Но нельзя писать фоном на фоне, а именно этим и занимаются русские писатели в последние 50 лет. У нас еще не нашлось никого, кто преодолел бы тяготение собственной культуры. И это скучно.

Русские писатели ведь и философски плохо образованы. Никак не могут отойти от давно отцветшего обаяния слова «авангард». А у представителей молодого поколения заметно некое несоответствие между эрудицией, полученной благодаря изменению ситуации, и тем, что они делают. Порой это просто профессионально плохо, написано вялым слогом. Я уже один раз сказал (в «Литературной газете»), что молодое творчество — это либо чернуха, либо слабоумная заумь. Буду очень рад, если мне покажут что-то иное. Я готов такого человека опекать, будь он мужчиной, женщиной... гермафродитом, карликом или гигантом...

— Мы как раз надеялись, что Вы нам порекомендуете каких-нибудь авторов...

— Я получаю довольно много рукописей. Некоторые слишком скромны, замкнуты, а некоторые — слишком наглы. А вообще в России сферу деловых отношений перевели в сферу интимных. Общаются... Стоит один раз рукопись прочесть, уже чувствуешь себя связанным какими-то обязательствами... Очень трудно общаться с русскими гениями. Я их читаю на ночь — просто другого времени нет — и каждый раз они меня усыпляют почти мгновенно.

— Очевидно, среди них есть и та-

ЕРОФЕЕВ

РОМАН (РАССКАЗ В ВОСЬМИ ГЛАВАХ)

кие, кто считает себя Вашими учениками, последователями?

— Да, уже появляются и такие. Это еще более скучно. Это нельзя, конечно, запретить, как нельзя запретить поклонников или поклонниц. Не скажешь ведь: «Перестань писать под меня!» Я отношусь к этому просто никак — пишут — и их дело. Не испытываю по этому поводу ни тщеславного удовлетворения, ни неудовлетворения. Но писание под меня — еще не повод претендовать на более интимные отношения со мной. Наоборот, пусть знают, что эти отношения могут стать гораздо более холодными.

— Виктор Владимирович, в связи с известной фразой Бродского «Я не люблю людей»... Какие чувства Вы испытываете к людям?

— Ну, заявление Бродского противоречиво. Оно заключено в себе и кокетство, так как обращено к тем же людям, тут и похвалы...

Я поражаюсь одному устойчивому качеству — человеческой глупости. Она безгранична, безмерна. И очень утомительна. Она выматывает, забирала очень много энергии. Если на этом сосредоточиться, это качество действует парализующе на всех уровнях отношений с людьми, но больше всего — на интеллектуальном. Потому что именно интеллектуалы считают, что они этого лишены. Если сказать «Вы не умны», — обижаются все. Это хуже, чем сексуальная импотенция. На самом деле это беда. Оттого, что люди замыкаются на этом, боятся выглядеть неумными, они и не развивают свой ум. Можно бороться за красоту — ходить к косметичке, — а вот за ум борются очень редко. Предполагается, что ум уже есть, уже дан, и в него можно только добавить эрудиции, информации. Умных людей очень мало. А с глупыми скучно.

— И, если можно, последний вопрос. Исповедуете ли Вы какую-либо религию?

— Я считаю себя человеком безусловно религиозным, считаю, что человек, который действительно связан с тем, что называется творчеством, не может быть не религиозным, поскольку через него проходит некий ток, имеющий религиозный смысл. Но открывать свою конфессиональность... Мне кажется, что это даже более нескромно, чем сниматься на порнографических открытках. Эта конфессиональность связана именно с теми токами, которые через тебя протекают. Эта конфессиональность никогда не устроит другого, так же как и конфессиональность другого не устроит тебя. Поэтому думаю, что по этому поводу лучше не пускаться в долгие объяснения.

Интервью записала В. Боде

1
— Да! — с жаром согласилась Лидия Ивановна.
— Нам не хватает не больше, не меньше, как зэкса...
— Осторожно! — шепнула Лидия Ивановна.

Прошел Глинка:
Прошел Никитин.
Прошла Шура-Потапова.
Прошли Удальцов и Нехлебов.
Пробежала Бондаренко. Она всегда вприпрыжку.

— ... как эвкалиптовых рощ, — заключил Богаткин, иронически глядя сквозь очки след Бондаренко.

Прошел Кутузов.
За ним — Арутюнов, Харкевич и Жданов.

Бежала назад Бондаренко.
— Богаткин, Не видели Усова?
— Он болен.

— Знал, когда заболеть! — злилась, убегая, Бондаренко.

Кутузов тоже воротился и задал несущественный вопрос.
— Цыплят по осени считают! — иронически ответил Богаткин.

— Вас погубит ваша ирония, — шепнула Лидия Ивановна, когда Кутузов отошел.

— Надоели они мне все, — шепнул ей в ответ Богаткин.

2
Будучи человеком военным муж Лидии Ивановны подполковник Сайтанов уезжал маневрировать и маневрировал нестерпимо долго, от менструации до менструации, так что Лидия Ивановна встречала его с отчаянием в голосе: «Сегодня как назло нельзя!» и ни о чем не расспрашивала, хотя по отморозенным ушам или авоське с кокосовыми орехами, или по трюфельной вазочке из дивного хрустала она смутно догадывалась... но ни о чем не расспрашивала.

Раз подполковник вернулся веселый, загорелый, с простреленной щекой. В кровати при свете ночника он показал Лидии Ивановне таинственный орден, одну часть которого полагается носить на шее, а другую — на животе.

3
Летом Москва катастрофически глупеет. Она становится глупее Тулы и Астрахани, а даже жены Богаткина Киры Васильевны, бабы совсем уже вздорной.

Кира Васильевна сказала своей школьной подруге, что член ее мужа похож на дирижабль. Но хорошо ли это или плохо, оскорбительно ли сравнение для Богаткина или оно оскорбительно для старомодного воздухоплавательного аппарата, которого теперь не встретишь ни в небе, ни в спущенном виде, — понять из ее слов было невозможно.

4
Исторической ошибкой Петра, обошедшейся России в миллионы человеческих жизней, явившейся причиной последующих неурядиц, неврозаев, мятежей и повального пьянства, нанесшей непоправимые удары по русской национальной физиономии (носы раскрасились), считал Богаткин триумфальное покорение финских болот, отвратительное совокупление с фригидным Севером. Ну что ему стоило, этому императору, пройтись, зажавши нос, по помету татарской степи и, выйдя к теплому морю, заложить там — назло голландцам — субтропическую столбу, утопающую в мандариновых садах, богатстве и творческой неге! Жаркое сердце столицы согрело бы Новгород и Кострому, Читу и Белорусов, мордву и Сахалин. Но когда вместо сердца февральский сквозняк... э, да что там говорить!..

— Я, наверное, вас утомил разговором, — спохватился Богаткин. Они сидели на единственной скамейке в Парке культуры. Поодаль с воем

проносились снаряды заграничных аттракционов.

— Ну что вы, Юрий Тарасович! Я вам признаюсь, что вы — самый умный человек из всех, кого я встретила в жизни.

— Я пригласил бы вас в кино, — сконфузился Богаткин, — но в кино хамство, дурацкие комментарии, смертный воздух, заплыванный полбилетов нет ни на сегодня, ни на завтра. Нужен блат, наборы шоколадных конфет. С кафе то же самое...

— Тише! — вскрикнула Лидия Ивановна.

Непонятно откуда взявшись, мимо них прошли Арутюнов, Харкевич и Жданов. В воздухе пахло лещем и пивом.

— Засекли, — сказала Лидия Ивановна.

— Сволочи, — сказал Богаткин.

— Я сильнее, чем вы думаете, — посмотрела ему в глаза Лидия Ивановна.

— Я думаю о вас хорошо, — заверил ее Богаткин.

— Если бы вы вместо ваших очков носили пенсне, то, извините, вы бы были похожи — знаете, на кого? — На Чехова!

— Может быть, я и есть Чехов, — загадочно улыбнулся Юрий Тарасович.

5
— Есть колбаса, сыр, яйца, земляничное варенье, бутылка чаи... Да! Как я могла забыть! — лицо Лидии Ивановны искрило неподдельным ужасом. — Есть кусок холодной телятины!

— Я вовсе не голоден, — мягко сказал Юрий Тарасович. — Вот если бы чайку...
— Чайник сейчас закипит. А к чаю? Земляничное варенье будете? — Страшная горечь отразилась на лице Лидии Ивановны: — Правда, оно прошлогоднее...

— Я не люблю сладкого.
— Тогда рюмочку чаи. Я тоже за компанию...

— Нет, лучше чаю.
— И чаю, и чаю... Она, правда... — судорога испуга пробежала по лицу Лидии Ивановны, — с запахом.

Богаткин сидит в мягком кресле. Вокруг чистота, цветы в горшках, горит люстра. И ни следа подполковника. Кажется, в общей сложности три комнаты.

— А может быть, вы — кофейник? — вдруг встрепенулась Лидия Ивановна. — То есть я имею в виду... люди делятся на чайников и кофейников.

— Я — чайник! — объявил Богаткин.

Лидия Ивановна поставила Моцарта. Пластинка шипела.

— Должна вам сказать, — сказала Лидия Ивановна, кусая губы, — что я — глубоко несчастный человек.

Богаткин понимающе закивал головой. Прошло минут пять. Он все кивал и кивал. Перестав, сказал почти с восхищением:

— Моя жена Кира Васильевна — фантастическая дура!

— Не надо, так, Юра, — сказала Лидия Ивановна.

Они помолчали, прислушиваясь к Моцарту.

— И все-таки в жизни есть Моцарт, цветы и даже... Лидия Ивановна вдруг рассмеялась несчастным смехом, — представьте себе, любовь.

При слове любви в Богаткин встал, не зная, что делать с руками. Лидия Ивановна застонала и кинулась к Моцарту:

— Не те обороты!

6
Подполковник Сайтанов сидел в кресле, повесив на ручки кресла голые ноги, обутые в офицерские сапоги.

— Это же прямо слов таких не слышать! — трепетала перед ним совершенно голая Кира Васильевна, на шее которой болтался пышный лисий воротник с осклабившей мордой. — Я даже теряюсь с чем сравнить? — с кабачком? торпедой? дирижаблем?

— Пусть будет дирижабль... — расудил подполковник Сайтанов и ласково шлепнул Киру Васильевну дирижаблем по носу.

7
— Что?? — вылупилась блеклая блондинка с черными корешками волос, приподнимая тяжелое сорокакапитлетное тело из горячей ванны.

— Иначе — не получится, — печально сказал Юрий Тарасович, сидя в ванне напротив нее.

— Ты соображаешь, что ты мне предлагаешь?!

Вода капала с обвислых сосков.

— Но иначе...

— Что значит иначе? Ты сказал: там холодно. Ладно. Хотя, Юра, там, в постели, было тепло. Пошли сюда. Здесь Африка!!! Я первый раз в жизни сижу с мужчиной в одной ванне. Ты сказал, что любишь меня...

— Скажи.

— Можно ли любить женщину, Юра, и предлагать ей такую вещь? Я не знаю, почему я тебя не волную... Мой муж, допустим, мужик и подонок, но я ничего подобного от него не слышала... Это же Юра, пойми меня правильно — зверство. Как ты мог такое предложить мне, Юра?

— Прости, — сказал Богаткин.

— И ты своей жене такое предлагаешь?

— Предлагаю... Она сама просит, — честно ответил Богаткин.

Озадаченная, Лидия Ивановна снова погрузилась в воду.
— Чудовищно... — пробормотала она. — А мы всегда в темноте, совестись... Мой муж вообще человек стылдывый, на пляже стесняется переодеться. Ходит, ищет кусты погуще...

— Монок, — засмеялся Богаткин. — Нет, в этом смысле он чистый человек... Ты себе не представляешь, как ты меня унизила!

Она заплакала.
— Ты меня любишь?
Богаткин помедлил с ответом.

— Почему ты молчишь?
Богаткин молчал.

— Юра, ты меня любишь?

— Прости, — сказал Богаткин, — Я тебя не люблю.

Лидия Ивановна перестала плакать.

— Уходи. Немедленно, — сказала она мертвым голосом.

Богаткин с шумом встал из воды, пряча стыд в горсти, как детскую соску-пустышку.

8
Проскакал с песней подполковник Сайтанов.

Прошел Федот Губернаторов, положительный персонаж моего романа.

Прошли Шверник и Шварцман.

Прошел и Глинка. Коварный тип.

Промчалась Бондаренко. Метнула на ходу:

— Усова не видели?

Прошла Сайтанова с припухшими железами.

— Ну что, вставил ей? — спросил Арутюнов, все еще пахнувший лещем и пивом.

— Вставил — сказал Богаткин.

— Ну и как? — поинтересовался миниатюрный Харкевич.

— Кричала, — сказал Богаткин.

— Это хорошо, — одобрил Арутюнов.

— А где ваш друг Жданов? — спросил Богаткин.

— Отравился, — ответили Харкевич и Арутюнов.

Прошел отравившийся Жданов.

Богаткин оглушительно чихнул.

— Любопытная вещь, — подумал Богаткин сморкаясь. — С виду Лидия Ивановна такая интеллигентная, такая деликатная женщина, а в жопе у нее растут густые черные волосы...

— Парадокс, — прошептал Богаткин. Он был простужен и меланхоличен.

НОВЫЙ КИНОТЕАТР "МИР" И ДРУГИЕ...

НАЧАЛО НА СТ. 1

Но все же зрителей в первую очередь волнует вопрос, какие же фильмы они сумеют посмотреть в "Мире". Им, не попавшим на торжественную презентацию — в отличие от французского и советского министров культуры Жака Ланга и Николая Губенко, от директора "Совэксспортфильма" Олега Руднева, шефа московского кинопроката Владимира Площанского, а также бête noire перестроечной кинокритики, экс-главы Госкино Филиппа Ермаша — тоже хочется посмотреть фильм "Ласнер", да и не только его. Были бы вполне уместны в "Мире" и "Жизнь и ничего больше" Б.Тавернье, и "Индийский ноクター" А.Корно, и "Господин Хир" П.Леконта, да и многие другие достижения французского кинематографа последнего времени.

Увы, никакой определенности в этом отношении нет и быть не может, и, несмотря на заверения директора, совершенно ясно: касса для "Мира", как и для всех остальных кинозалов города, дело первостепенное. (Кстати, в "Мире" на премьерный показ билеты стоят по три рубля.) Поэтому вполне объяснимо, что в ближайших планах кинотеатра — еще один "шедевр" коммерческого кино, "Четверть часа по-американски" (он уже демонстрировался в ленинградском "Коллизее", также входящем в СП "МОСМЕДИА").

Сходные проблемы и у "итальянского" кинотеатра "Форум", где развернула свою деятельность кинокомпания "САНИС". Директор объединенной дирекции кинотеатров Свердловского района В. Г. Баранов рассказал мне, что с марта месяца (когда, вслед за Неделей итальянских фильмов в Москве, в "Форуме" начался постоянный показ картин из Италии) здесь побывало более трехсот тысяч человек, и за полгода был фактически выполнен полугодовой план. Однако это в первую очередь связано не с напыльвом посетителей — их здесь, как правило, немного, — а с ценой на билеты (полтора рубля). Утекает только, что в Риме люди ходят в кино еще реже... Из всех картин, показанных здесь (около тридцати) лишь одна может претендовать на звание шедевра — "Любовь" Л.Висконти. Конечно, были здесь и другие фильмы, снятые достаточно известными режиссерами — такими, как Д.Дамиани, Л.Вейсмюллер, К.Лидзани, В.Гассман, М.Ризи... Неплохо впечатление произвела и подборка фильмов "Венеция-90". И все же доминируют в программе "итальянского" кинотеатра комедии и детективы. В. Г. Баранов не скрывает, что для осуществления перспективных планов кинотеатр должен считаться с запросами зрителей. А планы эти и впрямь интересные: "Форум" должен стать полноценным центром итальянской культуры в Москве. Поддержку в осуществлении этого замысла осуществляет и общество "СССР-Италия", обратившееся со специальным ходатайством в Моссовет. И вот уже прочно вставший на ноги "Форум", видимо, позволит себе такую роскошь, как демонстрация некоммерческих фильмов. Остается только надеяться, что в афише нового кинотеатра "Форум" найдут себе место и "Новый кинотеатр "Парадизо" Дж. Торнаторе, и "Голос луны" Ф.Феллини, и "Легенда о святом пшенице" Э.Ольми, и многие другие замечательные работы итальянских режиссеров.

В отличие от "Мира" и "Форума" кинотеатр "Художественный" не имеет статуса государственного предприятия; испанские фильмы демонстрируются здесь наряду с советскими. Но вместе с тем из всех трех залов именно "Художественный" дает зрителям адекватное представление о положении дел в кинематографе данной страны. Фильмы Л.Берланги, К.Сауры, П.Альмодовара, Ф.Трузбы и других — тот фонд, который испанцы и сами с охотой смотрят, и представляют на международные фестивали. (Не будем в данном случае предьявлять претензии "по гамбургскому счёту" и сожалеть, что нам показали не лучшие достижения тех же Сауры и Альмодовара.)

... Итак, три кинотеатра Москвы демонстрируют продукцию трех кинематографических держав. За ними последуют и другие; на очереди — Великобритания, США. Какова их судьба в условиях чудовищной коммерциализации всей нашей культуры? Хочется верить, что дело окончится "хэппи эндом". А пока московским любителям кино в пору впасть в зимнюю спячку.

Июль 78 г.

К.Чекалов

ГИВИ КОРДИАШВИЛИ ИСТОРИЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАЧАЛО В № 24

Уехали Герлы, но успели познать "Коллективные действия" с замечательными людьми — будущими "соратниками", скульптором Леной Елагиной, которая вошла в историю тем, что лепила Никиту Сергеевича, и художником Игорем Макаревичем. Игорь был добрейшим человеком и хорошим фотографом — это его и "погубило", потому что Андрей Монастырский имел патологическое пристрастие к "качественной фактографии" и любил ближних своих главным образом за их ремесленнические способности. Можно сказать, что Игорь своим появлением в какой-то степени, непроизвольно и бессознательно, стимулировал идею "Места действия". Игорь "убил" Монастырского окончательно, раздобыв для акции две "Лейки". Моня был сражен наповал и отныне стал предан Макаревичу душой и телом. . . /

"ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ". 1978.

Все это время Андрей, Никита и Коля трудились в поте лица своего, акции мелькали, как перчатки (да простят мне мои герои столь однозвучное сравнение!) . . . /

"Коллективные действия" начали пожирать плоды — и наслаждаться успехом: их печатали, их выставляли, о них писали, о них спорили! Кружились ноги в голове, и панки расцвели в мове... В 1977 г. в статье "Романтический концептуализм" (!) Бориса Гройса, одного из многочисленных теоретиков неофициального русского искусства, впервые появляется название — "Коллективные действия". Название прижилось.

"Личная жизнь" протекала, по правде говоря, не так бравурно и успешно, как "общественная". Андрей завершил, казалось бы, свою поэтическую деятельность еще в 76-м году пятитомной эпопеей, но теперь вдруг начал страдать поэтической ностальгией, и временами, забывшись в подушки дивана, под вопли юной дочки, писал вот такие стихи:

Эта лестница выше света
лампы настольной
но куца песка ее выше
и небо над нею
но выше кучи песка
еще есть деревья
те, что стоят на дороге
к лестнице этой
но выше деревьев все же свет
невозвратный
свет невозвратный, что освещает
деревья
эти деревья и лестница там
и поныне
но их теперь освещает
настольная лампа.

Никита совсем перестал заниматься живописью, увлекся графическими альбомами, "дзенскими" текстами и сделал несколько личных акций. Акции почти всем нравились, только Моня считал Никитины идеи слабыми и в "общественный корпус работ" их включать отказывался. Это тоже был нехороший симптом.

Вообще у Никиты на душе было теперь беспокойно. Ему хотелось чего-то неопределенного. Кроме того, Никита переехал на "Академическую" и спелся с Рощалем, жившим в соседнем доме. Компания Рощала влияла на Никиту глетворно. . . /

Короче говоря, внешне все шло, как и раньше. Так же встречались, так же веселились, ездили по различным городам, обсуждали события,

знакомились и прощались, придумывали новые акции и успешно их проводили. Зима 79-го была особенно плодотворной — было сделано много интересных "психологических" работ. Одна из самых сложных в техническом отношении была послана по почте Кизевальтеру в Якутию, и он успешно осуществил там московское "детство".

Но при этом параллельно внутри группы шла упорная борьба идей и позиций. Спорили в основном Никита и Андрей, а Коля примыкал то к одному, то к другому. Андрей все время пытался занять позицию мэтра, Алексеев вставал в оппозицию, правомерно чувствуя собственные силы, и оба апеллировали в Якутский филиал, где Георгий — вынужденный "третейский судья" — пытался разрешить их бессмысленные споры и примирить воинствующие стороны. Бешелая переписка с комментариями к акциям и комментариями

Решено было собирать "архив", и даже выбрали редколлегия в лице Гройса — ответственного за критику, Рубинштейна — за поэзию и Алексеева — за живопись и т.п. Впоследствии вышеозначенные люди никакого участия в работе над "архивом" не принимали, однако абстрактно числились, как это водится у нас в России.

Кроме создания "архива", Андрея вдруг жутко заинтересовала "метадokumentация" и прочая интерпретация: он увлек этим делом всю команду, и за пару месяцев был состряпан первый том "группового отчета" под названием "Поездка за город". Книга имела бурный успех: ее прочитало человек 40, а может быть, и все 58.

Как раз за полгода до этого момента, в июле, в главную пору безлюдья и каких-то игр в Москве, группа действительно совершила основа-

ФОТО Г. КИЗЕВАЛЬТЕРА ДЕЙСТВИЙ

в своих сооружениях, раздался глухой звук падения тяжелого тела — это Моня "вывалился из гнезда". Вскоре Коля последовал его примеру. Так они падали беспрерывно, как спелые бананы, в течение двух часов, друг за дружкой. Вряд ли они играли: скорее, они просто не могли спать по-другому. Никита — тот никуда не падал, потому что околочел, и падать ему было некуда.

Невыспавшиеся и злые, долго стояли на берегу, дрожа от холода; их тучами атаковали голодные комары; вместе с рассветом поплыли дальше, и раздражение мало-помалу улеглось — вокруг было очень красиво. Выплыли на озеро, и вот здесь началось. То самое...

В начале озера была масса проток, и по какой нужно было плыть, никто не знал. Поплыли наугад, в одну сторону, — тупик, в другую — то же самое; так плутили час или два, и при этом непрерывно шла "борьба за власть". Андрей кричит: Туда плывем! — а Коля с Никитой: Нет, вон туда!.. Долго они так спорили и плавали, плавали и спорили. Андрей расвирепел и выбыл из сил. Коля с Никитой тоже выдохлись.

Наконец, встретили меж островов травы и кустарника еще каких-то путешественников, которые объяснили, как им пробиться на "большую воду", — а озеро-то длинное, километров с десятью! Как вскоре выяснилось, Андрей был прав в какой-то исторический момент, но победила оппозиция. Оппозиция тогда оказалась бижкой. И Моня очень гневался, плывя по прекрасному озеру Дубовому.

Надменно созерцая наше прошлое, рачительный историк не преминет назвать неправую, но победившую когда-то оппозицию растаккой бижкой. Но характерно то, что в любом случае правым оказывается гений, а неправой — оппозиция. Гений в оппозиции быть не может.

...К вечеру доплыли до деревни, там и заночевали. А утром Моня "дезертировал" на электричке, страдая от нервного расстройства и сердечных болей. Оппозиция провела в Спас-Клепиках еще дня три-четыре в благодушном настроении.

В начале зимы провели долго подготовленную акцию "Воспроизведение" проект которой был вначале послан какому-то американцу, Фреду Траку. Фред был, по рекомендации Герловиных, хороший парень. Он собирал чужие проекты акций и некоторые из них реализовывал. Так он сеял ветер.

Акция оказалась для всех интересной. Элементом нового в ней прежде всего была "домашняя" среда. Раньше "Коллективные действия" предпочитали природу: она обеспечивала чистый воздух, естественную эстетику и обширное поле для действия, ожидания и интерпретации.

просачивалась наружу.

Правда, еще ездили тогда вместе на прогулки за город, вместе делали Никитины вещи, устраивали там спонтанные акции, типа коллективного падения в снег, но... свежестью уже не пахло. "Десять появлений" погоды, судя по всему, не сделали, хотя это была работа в классическом духе "Коллективных действий" с классической структурой. Все-таки в этой акции чересчур бросалась в глаза пресловутая "классика" "уходов" и "появлений". Но, с другой стороны, это был практически последний всплеск коллективного интереса к старым идеям — перед наступившим затем длительным и душным штилем.

Например, Никита занимался тогда главным образом своими взаимоотношениями с Машей: то они сходились, то расходились. Как разводный мост на Неве. А Кизевальтер не придумал ничего лучшего, как влюбиться в кого-то на работе. Он писал любовные письма, пил каждый день и тосковал. Иногда он приходил к "Мухоморам" и смотрел замутненным взглядом на стенки, и просил чего-нибудь выпить. Братья Мироненки отпавали его чаем и утешали. В душе они были нехорошие ребята — они только делали вид, что они грубые, наглые и бессердечные. Это казалось модным. А жена Георгия была в это время, мягко говоря, на сносях. Вот каким дерьмом оказался Георгий. — Ему не следует, впрочем, обижаться на такое замечание, потому что по сценариям и книгам пай-мальчики Гоги всегда оказываются дубовыми. Такова ля ви. (. . .) Весной... кислую среду в группе нейтрализовали, наконец-то, Елагина и Макаревич: они придумали замечательную акцию для Коли и Андрея — под названием "Встреча". "Встреча" прошла на высоком уровне в гигантских трубах под полотно строящегося шоссе недалеко от дачи Макаревича и вызвала большое оживление в кругах "Коллективных действий". Впрочем, Моня воспринял "Встречу" вяло: он закасался автономно. Его могла теперь оживить разве что термоядерная война. Можно полагать, что это была бы лучшая акция Андрея Сумнина.

В июне Андрей и Коля совершили замечательную поездку в "усадьбу" Анатолия Жигалова (который прославился своими Тотальными художественными Действиями) в деревне Погорелово. Почти сутки добирались они до этой заброшенной северной деревеньки в компании Игоря Макаревича, Лены Елагиной и Свена Гундлаха. Там, в трехэтажном величественном рубленом доме с расписными потолками и резными наличниками и лестницами, и в окрестных лесах они каждый день устраивали какие-нибудь акции. Были ли все эти акции удачными — спорно,

к комментариям то утихала, то усиливалась. К весне 80-го она как-то сама собой истощилась, улеглась в московской буре противоречий в групповом стакане. До осени наступило затишье.

ЧАСТЬ II

В июле 80-го истрадавший за три года по общению и творчеству Кизевальтер вернулся, наконец-то, в родные пенаты. Бесконечной чередой потянулись воистину радостные встречи, объятия, поцелуи и возлияния. Все вместе, кроме разве что Никиты, съездили в Кясму и в приятнейшей компании великолепно провели там целый месяц. Еще с месяц Георгий акклиматизировался по мере возможности, посещал старых знакомых, приобретал новых, старательно тратил накопленные деньги и умудрился за это время скоропостижно жениться на симпатичной маленькой девушке — его знакомой по Кясму — Наташе Шмидт. Видимо, Кизевальтер просто решил, что пора бы и ему жениться: вокруг все семейные, у многих уже дети пошли... Однако, как выяснилось впоследствии, его решение было несколько опрочетливо.

У Наташи были разные видные предки, и Георгий поселился вместе с ее семьей в большом сером доме на набережной. Скорее всего, он надеялся, что ему будет там хорошо. Надежды юношей питают, тарам-пам-пам, тарам-пам-пам...

На дне рождения Монастырского, в октябре, обсуждали перспективы дальнейшей совместной работы — ведь за полгода не возникло ни одной новой идеи, — и возможность создания журнала или архива московских художников и поэтов: эта идея бродила в Москве уже лет восемь, если не больше, но пока что никак не была реализована.

Надо сказать, что за описанное здесь время многое изменилось в поэтической ситуации в столице: поэты как-то притихли и "растворились" в неизвестности; чтения случались крайне редко; еще как-то функционировали, если здесь употребляемо это слово, только Всеволод Некрасов, Лев Рубинштейн, да — "по совместительству" — скульптор Дмитрий Пригов. (Лев к тому времени уже давно помирился с Андреем. Теперь он тоже был обременен семейной жизнью — весной у него родилась дочка, тоже Машенька).

тельную "поездку за город": на надувных лодках по рекам и озерам Мещеры, в деревню Спас-Клепики. Ездили Коля, Андрей и Никита, а Георгий не смог поехать — он еще не успел тогда акклиматизироваться. Так вот, во время этой поездки произошли странные — а с другой стороны, вполне объяснимые, — события; можно даже усмотреть некоторую связь данных событий с вышеописанной дискуссионной перепиской и прочими волнениями в стане "Коллективных действий".

А. МОНАСТЫРСКИЙ, Н. АЛЕКСЕЕВ, Н. ПАНИТКОВ. "ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ". 1978.

Друзья выехали из Москвы, заряженные довольно сильным туристическим энтузиазмом и большим количеством багажа. Сначала долго ехали на электричке до поселка Черусти, потом выгрузились у р. Бужа, надули лодки и поплыли в вечернем тумане вниз, к озерам. Выбрали прекрасное место для ночевки, поужинали, выпили, согрелись... Ночевать должны были в гамаках, прикрываясь сверху полиэтиленовой пленкой, — только Никита решил спать в лодке, почуяв возможные осложнения. Примерно через час после того, как устроились, наконец,

В "Воспроизведении" активное участие принял Сергей Ромашко, молодой филолог-германист. Он уже давно сочувствовал группе и активно вносил свои идеи. В процессе подготовки акции он так сильно стучал молотком по стенке в квартире Алексеева, что пробил в ней большую дырку. Но вообще-то он был тихим интеллигентом.

А зимой Панитков бегал по снежному полю и глядел вместе со зрителями на водопад. Водопад получился красивый, но у зрителей возникло сомнение: в группе чувствовалась какая-то кислая среда. И она

но чудесный романтический и даже мистический характер поездки в Погорелово подтверждается всеми ее участниками. Путешествие это немножко подбодрило Моню — аж до осени.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

